

Урфин Джюс и его деревянные солдаты

Аннотация

История, главным персонажем которой выступает талантливый, но мрачный столяр Урфин Джюс, является самостоятельным продолжением книги «Волшебник Изумрудного города». Изначально взявшись за перевод западной книги о стране Оз, советский писатель Александр Волков на этом не остановился и создал целый цикл произведений, основанных на приключениях Страшилы, Железного Дровосека и Льва.

Сказка про Урфина Джюса наглядно демонстрирует юным читателям, что ум и находчивость в сочетании с нелюдимостью и озлобленностью приводят к краху. Только имея доброе сердце и преданных друзей, можно достичь успеха и противостоять невзгодам, и счастливым стать человек, не имеющий любви к окружающим, никогда не сможет.

***

Часть первая: Чудесный порошок. Одинокий столяр

Юго-запад Волшебной страны населяли Жевуны – робкие и милые человечки, у которых взрослый мужчина ростом не превышал восьмилетнего мальчика из тех краев, где люди не знают чудес.

Повелительницей Голубой страны Жевунов была Гингема, злая волшебница, обитавшая в глубокой темной пещере, к которой Жевуны боялись приближаться. Но среди них, ко всеобщему удивлению, нашелся человек, построивший себе дом неподалеку от жилища колдуньи. Это был некий Урфин Джюс.

От своих добрых, мягкосердечных соплеменников Урфин еще в детстве отличался сварливым характером. Он редко играл с ребятами, а если вступал в игру, то требовал, чтобы все ему подчинялись. И обычно игра с его участием оканчивалась дракой.

Родители Урфина умерли рано, и мальчика взял в ученики столяр, живший в деревеньке Когида. Подрастая, Урфин становился все неуживчивее, и когда изучил столярное ремесло,

то без сожаления покинул своего воспитателя, даже не поблагодарив его за науку. Однако добрый ремесленник дал ему инструменты и все необходимое для начала работы.

Урфин стал искусным столяром, он мастерил столы, скамейки, сельскохозяйственные орудия и многое другое. Но, как это ни странно, злобный и сварливый характер мастера передавался его изделиям. Сделанные им вилы старались боднуть своего владельца в бок, лопаты колотили по лбу, грабли норовили зацепить за ноги и опрокинуть.

Урфин Джюс лишился покупателей.

Он стал делать игрушки. Но у вырезанных им зайцев, медведей и оленей были такие свирепые морды, что дети, взглянув на них, пугались и потом плакали всю ночь. Игрушки пылились в чулане Урфина, никто их не покупал.

Урфин Джюс разозлился, забросил привычное ремесло и перестал показываться в деревне. Он стал жить плодами своего огорода.

Одинокий столяр так ненавидел своих сородичей, что старался ни в чем не походить на них. Жевуны жили в круглых домиках голубого цвета с остроконечными крышами и с хрустальными шариками наверху. Урфин Джюс построил себе четырехугольный дом, выкрасил его в коричневый цвет, а на крышу посадил чучело орла.

Жевуны носили голубые кафтаны и голубые ботфорты, а кафтан и ботфорты Урфина были зеленого цвета. У Жевунов шляпы были остроконечными, с широкими полями, а под полями болтались серебряные бубенчики. Урфин Джюс терпеть не мог бубенчиков и ходил в шляпе без полей. Мягкосердечные Жевуны плакали при всяком случае, а в мрачных глазах Урфина никто никогда не видел слезинки.

Жевуны получили свое прозвище за то, что их челюсти постоянно двигались, как будто что-то пережевывая. Была такая привычка и у Джюса, но он, хотя и с большим трудом, отделался от нее. Урфин по целым часам гляделся в зеркало и при первой же попытке своих челюстей приняться за жевание тотчас останавливал их.

Да, большая сила воли была у этого человека, только, к сожалению, он направлял ее не на добро, а на зло.

* * *

Прошло несколько лет. Однажды Урфин Джюс явился к Гингеме и попросил старую колдунью взять его в услужение. Злая волшебница очень обрадовалась: в продолжение столетий ни один Жевун не вызывался добровольно служить Гингеме, и все ее приказания исполнялись только под угрозой кары. Теперь у колдуньи появился помощник, с охотой исполнявший всевозможные поручения. И чем неприятнее были для Жевунов распоряжения Гингемы, тем с большим усердием передавал их Урфин. Угрюмому столяру особенно нравилось ходить по деревушкам Голубой страны и налагать на жителей дань – столько-то и столько змей, мышей, лягушек, пиявок и пауков.

Жевуны ужасно боялись змей, пауков и пиявок. Получив приказ собирать их, маленькие робкие человечки начинали рыдать. При этом они снимали шляпы и ставили их на землю,

чтобы бубенчики своим звоном не мешали им плакать. А Урфин смотрел на слезы своих сородичей и злобно хохотал. Потом в назначенный день являлся с большими корзинами, собирал дань и отвозил ее в пещеру Гингема. Там это добро либо шло в пищу колдунье, либо употреблялось на злые волшебства.

В тот день, когда домик Элли раздавил Гингему, Урфина не было возле колдуньи: он ушел по ее делам в отдаленную часть Голубой страны. Известие о гибели волшебницы вызвало у Джюса и огорчение, и радость. Он жалел, что потерял могущественную покровительницу, но рассчитывал воспользоваться теперь богатством и властью волшебницы.

В окрестностях пещеры было безлюдно. Элли с Тотошкой ушли в Изумрудный город.

У Джюса появилась мысль поселиться в пещере и объявить себя преемником Гингема и повелителем Голубой страны – ведь робкие Жевуны не сумеют этому воспротивиться.

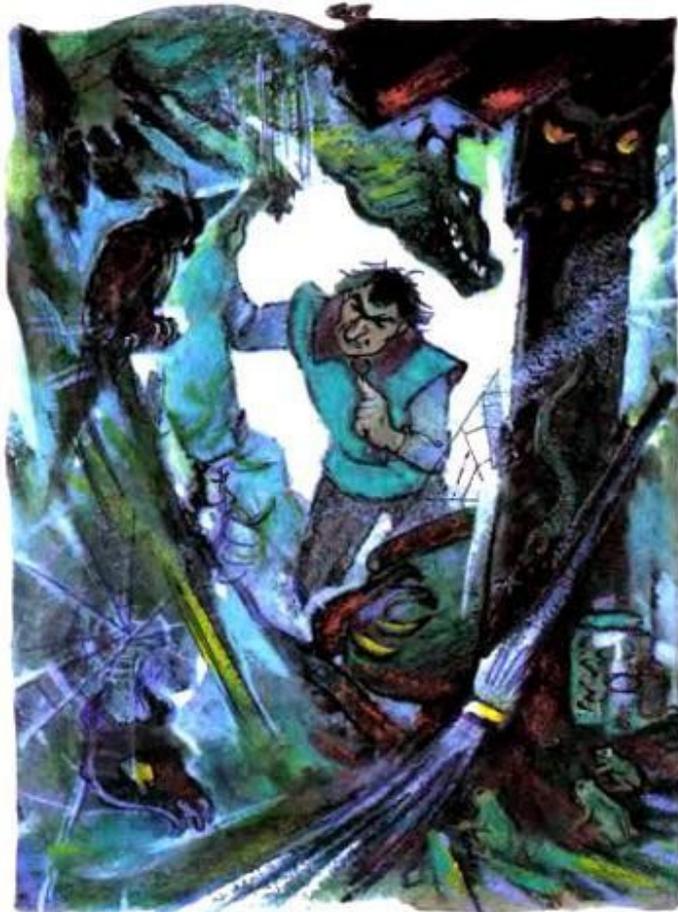
Но задымленная пещера со связками копченых мышей на гвоздиках, с чучелом крокодила под потолком и прочими принадлежностями волшебного ремесла выглядела такой сырой и мрачной, что даже Урфин содрогнулся.

– Брр!.. – пробормотал он. – Жить в этой могиле?.. Нет уж, благодарю покорно!

Урфин начал разыскивать серебряные башмачки колдуньи, так как знал, что Гингема дорожила ими больше всего. Но напрасно он обшаривал пещеру, башмачков не было.

– Ух-ух-ух! – насмешливо раздалось с высокого насеста, и Урфин вздрогнул.

Сверху на него смотрели глаза филина, светившиеся желтым светом во мраке пещеры.

– Это ты, Гуам?

– Не Гуам, а Гуамоколатокинт, – сварливо возразил тщеславный филин.

– А где другие филины?

– Улетели.

– Почему ты остался?

– А что мне делать в лесу? Ловить птиц, как простые филины и совы? Фи!.. Я слишком стар и мудр для такого хлопотливого занятия.

У Джюса мелькнула хитрая мысль.

– Послушай, Гуам... – Филин молчал... – Гуамоко... – Молчание. – Гуамоколатокинт!

– Слушаю тебя, – отозвался филин.

– Хочешь жить у меня? Я буду кормить тебя мышами и нежными птенчиками.

– Не даром, конечно? – буркнула мудрая птица.

– Люди, увидев, что ты мне служишь, посчитают меня волшебником.

– Неплохо придумано, – сказал филин. – И для начала моей службы скажу, что ты напрасно ищешь серебряные башмачки. Их унес маленький зверек неизвестной мне породы.

Зорко оглядев Урфина, филин спросил:

– А когда ты начнешь есть лягушек и пиявок?

– Что? – удивился Урфин. – Есть пиявок? Зачем?

– Затем, что эта пища положена злым волшебникам по закону. Помнишь, как добросовестно Гингема ела мышей и закусывала пиявками?

Урфин вспомнил и содрогнулся: еда старой волшебницы всегда вызывала у него отвращение, и во время завтраков и обедов Гингема он под каким-нибудь предлогом уходил из пещеры.

– Послушай, Гуамоко... Гуамоколатокинт, – заискивающе сказал он, – а нельзя ли обойтись без этого?

– Я тебе сказал, а дальше твое дело, – сухо закончил разговор филин.

Урфин со вздохом собрал кое-какое имущество колдуньи, посадил филина на плечо и отправился домой.

Встречные Жевуны, завидев мрачного Урфина, испуганно шарахались в сторону.

Вернувшись к себе, Урфин зажил в своем доме с филином, не встречаясь с людьми, никого не любя, никем не любимый.

Необыкновенное растение

Однажды вечером разразилась сильная буря. Думая, что эту бурю вызвал злой Урфин Джюс, Жевуны ежились от страха и ждали, что их домики вот-вот рухнут.

Но ничего такого не случилось. Зато, встав утром и осматривая огород, Урфин Джюс увидел на грядке с салатом несколько ярко-зеленых росточков необычного вида. Очевидно, семена их были занесены в огород ураганом. Но из какой части страны они прилетели, навсегда осталось тайной.

– Давно ли я полтел грядки, – проворчал Урфин Джюс, – и вот опять лезут эти сорняки. Ну, погодите, вечером я с вами расправлюсь.

Урфин отправился в лес, где у него были расставлены силки, и провел там целый день. Тайком от Гуамоко он захватил с собой сковородку и масло, зажарил жирного кролика и с наслаждением съел.

Вернувшись домой, Джюс ахнул от удивления. На салатной грядке поднимались в рост человека мощные ярко-зеленые растения с продолговатыми мясистыми листьями.

– Вот так штука! – вскричал Урфин. – Эти сорняки не теряли времени!

Он подошел к грядке и дернул одно из растений, чтобы вытащить его с корнем. Не тут-то было! Растение даже не подалось, а Урфин Джюс занозил себе руки мелкими острыми колючками, покрывавшими ствол и листья.

Урфин рассердился, вытащил из ладоней колючки, надел кожаные рукавицы и вновь принялся тянуть растение из грядки. Но у него не хватило силы. Тогда Джюс вооружился топором и принялся рубить растения под корень.

«Хряк, хряк, хряк», – врубался топор в сочные стебли, и растения падали на землю.

– Так, так, так! – торжествовал Урфин Джюс. Он воевал с сорняками, как с живыми врагами.

Когда расправа была кончена, наступила ночь, и утомленный Урфин пошел спать.

На следующее утро он вышел на крыльцо, и волосы у него на голове стали дыбом от изумления.

И на салатной грядке, где остались корни неизвестных сорняков, и на гладко утопанной дорожке, куда столяр оттащил срубленные стебли, – везде плотной стеной стояли высокие растения с ярко-зелеными мясистыми листьями.

– Ах, вы так! – злобно взревел Урфин Джюс и ринулся в бой.

Срубленные стебли и выкорчеванные корни столяр рубил в мелкие куски на чурбаке для колки дров.

В конце огорода, за деревьями, был пустырь. Туда Урфин Джюс таскал изрубленные в кашу растения и в гневе расшвыривал во все стороны.

Работа продолжалась целый день, но наконец огород был очищен от захватчиков, и усталый Урфин Джюс пошел отдыхать.

Спал он плохо: его мучили кошмары, ему чудилось, что неизвестные растения окружают его и стараются поранить колючками.

Встав на рассвете, столяр первым делом отправился на пустырь посмотреть, что там творится. Отворив калитку, он тихо охнул и бессильно опустился на землю, потрясенный тем, что увидел. Жизненная сила незнакомых растений оказалась необычайной. Непопкоренная земля пустыря была сплошь покрыта молодой порослью.

Когда Урфин накануне в ярости разбрасывал зеленое крошево, его брызги попадали на столбы забора, на стволы деревьев: эти брызги пустили там корни, и оттуда выглядывали молодые растеньица.

Пораженный внезапной догадкой, Урфин сбросил с себя сапоги. На их подошвах густо зеленели крошечные ростки. Росточки выглядывали из швов одежды. Чурбак для колки дров весь оцетинился побегами. Джюс бросился в чулан: рукоятка топора тоже была покрыта молодой порослью.

Урфин сел на крыльцо и задумался. Что делать? Уйти отсюда и поселиться в другом месте? Но жалко покидать удобный вместительный дом, огород.

Урфин подошел к филину. Тот сидел на насесте, прищурив от дневного света желтые глаза. Джюс рассказал о своей беде. Филин долго покачивался на жердочке, раздумывая.

– Попробуй изжарь их на солнышке, – посоветовал он.

Урфин Джюс мелко изрубил несколько молодых побегов, сложил на железный лист с загнутыми краями и вынес на открытую площадку под жаркие солнечные лучи.

– Посмотрим, прорастете ли вы здесь! – зло пробормотал он. – Если прорастете, я уйду из этих мест.

Растения не проросли. У корней не хватило силы пройти сквозь железо. Через несколько часов жаркое солнце Волшебной страны обратило зеленую массу в бурый порошок.

– Все-таки не напрасно я кормлю Гуама, – сказал довольный Урфин. – Мудрая птица...

Захватив тачку, Джюс отправился в Когиду собирать у хозяев железные противни, на которых пекут пироги. Он вернулся с тачкой, доверху наполненной противнями.

Урфин погрозил кулаком своим недругам.

– Теперь-то я с вами разделаюсь, – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Началась прямо каторжная работа. Урфин Джюс не покладал рук с зари до зари, только днем делая короткий перерыв.

Он действовал очень аккуратно. Наметив небольшую площадку, он тщательно очищал ее от растений, не оставляя ни малейшей частички. Выкопанные с корнями растения он измельчал в железном тазу и раскладывал сушить на противни, расставленные ровными рядами на солнечном месте. Бурый порошок Урфин Джюс ссыпал в железные ведра и закрывал железными крышками. Упорство и настойчивость делали свое дело. Столяр не давал врагу ни малейшей лазейки.

Участок, занятый ярко-зелеными колючими сорняками, уменьшался с каждым днем. И вот настал момент, когда последний куст обратился в легкий бурый порошок.

За неделю работы Джюс так измотался, что еле стоял на ногах.

Переступая через порог, Урфин споткнулся, ведро накренилось, и часть бурого порошка просыпалась на медвежью шкуру, лежавшую у порога вместо ковра.

Столяр не видел этого; он убрал последнее ведро, закрыл его, как обычно, доплелся до кровати и уснул мертвым сном.

Проснулся он оттого, что кто-то настойчиво теребил его за руку, свесившуюся с кровати. Открыв глаза, Урфин оцепенел от ужаса: у кровати стоял медведь и держал в зубах рукав его кафтана.

«Я погиб, – подумал столяр. – Он меня загрызет... Но откуда в доме взялся медведь? Дверь-то была закрыта...»

Минуты шли, медведь не проявлял враждебных намерений, а только тащил Урфина за рукав, и вдруг послышался хриплый басистый голос:

– Хозяин! Пора вставать, слишком долго спишь!

Урфин Джюс был так изумлен, что кубарем свалился с кровати: медвежья шкура, раньше лежавшая у порога, стояла на четырех лапах у постели столяра и мотала головой.

«Это ожила шкура моего ручного медведя. Она ходит, разговаривает... Но отчего это? Неужели просыпанный порошок?..»

Чтобы проверить свою догадку, Урфин обратился к филину:

– Гуам... Гуамоко!..

Филин молчал.

– Послушай, ты, наглая птица! – свирепо заорал столяр. – Довольно я ломал язык, полностью выговаривая твое проклятое имя! Если не хочешь отвечать, убирайся в лес и сам добывай себе пищу!

Филин ответил примирительно:

– Ладно, не кипятись! Гуамоко так Гуамоко, но на меньшее я не согласен. О чем ты хотел меня спросить?

– Правда ли, что жизненная сила неизвестного растения так велика, что даже его порошок оживил шкуру?

– Правда. Об этом растении я слышал от мудрейшего из филинов, моего прадеда Каритофилакси...

– Хватит! – рявкнул Урфин. – Замолчи! А ты, шкура, убирайся на место, не мешай мне думать!

Шкура послушно отошла к порогу и улеглась на привычном месте.

– Вот так штука! – бормотал Урфин Джюс, усевшись у стола и подперев лохматую голову руками. – Вопрос теперь в том, полезная для меня эта штука или нет?

После долгих размышлений честолюбивый столяр решил, что эта штука для него полезная, так как дает ему большую власть над вещами.

Но надо было еще проверить, как велика сила живительного порошка. На столе стояло сделанное Урфином чучело попугая с синими, красными и зелеными перьями. Столяр достал щепотку бурого порошка и посыпал голову и спину чучела.

Произошла удивительная вещь. Порошок с легким шипением задымился и начал исчезать. Его бурые крупинки словно таяли, всасываясь в кожу попугая между перьями. Чучело задвигалось, подняло голову, осмотрелось... Оживший попугай взмахнул крыльями и с резким криком вылетел в открытое окно.

– Действует! – в восторге заорал Урфин Джюс. – Действует!.. На чем бы еще попробовать?

К стене в виде украшения были прибиты огромные олени рога, и Урфин щедро посыпал их живительным порошком.

– Посмотрим, что из этого будет, – ухмыльнулся столяр.

Результата пришлось ждать не очень долго. Опять легкий дымок над рогами, исчезновение крупинок... Затрещали выдираемые из стены гвозди, рога свалились на пол и с дикой яростью бросились на Урфина Джюса.

– Караул! – завопил испуганный столяр, удирая от рогов.

Но те с неожиданной ловкостью преследовали его повсюду: на кровати, на столе и под столом. Медвежья шкура в страхе сжалась у закрытой двери.

– Хозяин! – закричала она. – Открой дверь!..

Увертываясь от ударов, Урфин отодвинул засов и вылетел на крыльцо. За ним с ревом неслась медвежья шкура, а дальше дико подпрыгивали рога. Все это смешалось на крыльце

в вопящую и кувыркающуюся кучу, покатилося по ступенькам. А из дома неслось насмешливое уханье филина. Рога вышибли калитку и огромными скачками понеслись к лесу. Урфин Джюс, помятый и ушибленный, поднялся с земли.

– Черт побери! – простонал он, ощупывая бока. – Это уж чересчур!

Шкура с укором молвила:

– Разве ты не знаешь, хозяин, что сейчас самая пора, когда олени страшно драчливы. Еще хорошо, что ты остался жив... Ну, теперь и достанется оленям в лесу от этих рогов! – И медвежья шкура хрипло захохотала. Из этого Урфин заключил, что с порошком надо обращаться осторожно и не оживлять что попало. В комнате был полнейший разгром: все было поломано, опрокинуто, посуда перебита, в воздухе кружился пух из распоротой подушки. Джюс сердито сказал филину:

– Почему ты не предупредил меня, что опасно оживлять рога?

Злопамятная птица ответила:

– Гуамоколатокинт предупредил бы, а Гуамоко не хватило для этого проницательности.

Решив рассчитаться с филином за его коварство позднее, Урфин начал наводить в комнате порядок. Он поднял с пола когда-то сделанного им деревянного клоуна. У клоуна было свирепое лицо и рот с оскаленными острыми зубами, и потому его никто не купил.

– Ну, я думаю, ты не натворишь столько бед, сколько рога, – сказал Урфин и посыпал клоуна порошком.

Сделав это, он поставил игрушку на стол, а сам сел рядом на табуретку и замечтался. Опомнился он от острой боли: ожившая игрушка вцепилась ему зубами в палец.

– И ты туда же, дрянь! – рассвирепел Урфин Джюс и с размаху швырнул клоуна на пол.

Тот заковылял в дальний угол, спрятался за сундук и остался сидеть там, мотая для собственного удовольствия руками, ногами и головой.

Честолюбивые планы Урфина Джюса

Однажды Урфин сидел на крыльце и слушал, как в доме переругивались медвежья шкура и Гуамоко.

– Ты, филин, не любишь хозяина, – ворчала шкура. – Нарочно молчал, когда он оживил рога, а ведь знал, что это опасно... И все-то ты хитришь, филин, все хитришь. Насмотрелся я на вашего брата, когда жил в лесу. Вот погоди, доберусь до тебя...

– Ух-ух-ух! – издевался филин с высокого насеста. – Ну и напугала, пустая болтушка!

– Что я пустая, это верно, – сокрушенно призналась шкура. – Попрошу хозяина набить меня опилками, а то уж очень легка я на ходу, никакой устойчивости, любой ветерок свалит с ног...

«А это хорошо придумано, – заметил про себя Джюс, – надо будет так и сделать».

Голоса в доме становились все громче, и Урфин гневно прикрикнул:

– Ну, вы там, разгалделись! Замолчать!

Спорщики продолжали браниться шепотом. Урфин Джюс строил планы на будущее. Конечно, он должен теперь занять более высокое положение в Голубой стране. Урфин знал, что Жевуны после смерти Гингема выбрали в правители уважаемого старика Према Кокуса.

Под управлением доброго Кокуса Жевунам жилось легко и свободно.

Вернувшись в дом, Урфин заходил по комнате. Филин и медвежья шкура умолкли. Джюс рассуждал вслух:

– Почему Жевунами правит Прем Кокус? Разве он умнее меня? Разве он такой искусный мастер, как я? Разве у него такая же величавая осанка? – Урфин Джюс гордо выпрямился, выпятил грудь, надул щеки. – Нет, Прему Кокусу далеко до меня!

Медвежья шкура угодливо подтвердила:

– Верно, хозяин, у тебя очень внушительный вид!

– Тебя не спрашивают, – рявкнул Урфин и продолжал: – Прем Кокус гораздо богаче меня, это правда! У него большие поля, где работает много людей. Но теперь, когда у меня есть живительный порошок, я могу наделать себе сколько угодно работников, они расчистят лес, и у меня тоже будут поля... Стой! А что, если не работников, а солдат? Да-да-да! Я наделаю себе свирепых, сильных солдат, и пусть тогда Жевуны осмелятся не признать меня своим правителем!

Урфин в волнении забегал по комнате.

«Даже дрянной маленький клоун укусил меня так, что до сих пор больно, – думал он, – а если сделать деревянных людей в человеческий рост, научить их владеть оружием... Да ведь тогда я смогу помериться силами с самим Гудвином...»

Но столяр тут же боязливо зажал себе рот: ему показалось, что он сказал эти дерзкие слова вслух. А вдруг услышал их Великий и Ужасный? Урфин вжал голову в плечи и ожидал, что вот-вот его поразит удар невидимой руки. Но все было спокойно, и у Джюса отлегло на душе.

«Все-таки надо быть поосторожнее, – подумал он. – На первое время достаточно с меня Голубой страны. А там... там...»

Но он даже мысленно не решился простирать свои мечты дальше.

...Урфин Джюс знал красоту и богатство Изумрудного города. В молодости ему довелось побывать там, и воспоминания не покидали его до сих пор.

Урфин видел там удивительные дома: у них верхние этажи нависали над нижними, и кровли противостоящих домов почти сходились над улицами. На мостовых всегда было сумрачно и прохладно, туда не проникали жаркие лучи солнца. В этом сумраке неторопливо прогуливались обитатели города, все в зеленых очках. Таинственным светом сияли изумруды, вкрапленные не только в стены домов, но даже между камнями мостовых...

Столько сокровищ! Волшебник не содержал для их охраны многочисленную армию – все войско Гудвина состояло из одного-единственного Солдата, которого звали Дин Гиор.

Впрочем, зачем нужна была Гудвину армия, если одним своим взглядом он мог испепелить полчища врагов?

У Дина Гиора была одна забота – ухаживать за своей бородой. Ну, уж это была и борода! Она тянулась до самой земли. Солдат расчесывал ее с утра до вечера хрустальным гребешком, а иногда заплетал ее, как косу.

По случаю дворцового праздника Дин Гиор показывал на площади солдатские приемы на потеху собравшимся зевакам. Он так ловко управлялся с мечом, копьем и щитом, что привел в восторг зрителей.

Когда парад кончился, Урфин подошел к Дину Гиору и спросил:

– Достопочтенный Дин Гиор, не могу не высказать вам свое восхищение. Скажите, где вы изучали эти премудрости?

Польщенный Солдат ответил:

– В старое время в нашей стране часто бывали войны, об этом я прочитал в летописи. Я разыскал старинные военные рукописи, где рассказано, как начальники учили солдат, каковы были воинские приемы, как отдавались приказы. Я усердно изучил все это, применил на деле... и вот результаты!..

Чтобы вспомнить военные приемы Солдата, Урфин решил заняться с деревянным клоуном.

– Эй, клоун! – закричал он. – Где ты?

– Я здесь, хозяин, – отозвался писклявый голос из-за сундука. – Ты опять будешь драться?

– Вылезай, не бойся, я не сержусь на тебя. И кстати, раз уж ты ожил, я дам тебе человеческое имя: отныне ты будешь называться Эот Линг.

Эот Линг выбрался из своего убежища.

– Сейчас я посмотрю, на что ты способен, – сказал Урфин. – Маршировать умеешь?

– А что это такое, хозяин?

– Зови меня не хозяином, а повелителем! Я это и тебе говорю, шкура!

– Слушаюсь, повелитель! – в один голос ответили клоун и медвежья шкура.

– Маршировать – это значит ходить, отбивая шаг, поворачивать по приказу направо и налево или кругом.

Этот Линг оказался довольно сообразительным и перенимал солдатскую науку быстро, но он не мог взять деревянную саблю, выстроганную Урфином. У клоуна не было пальцев, а кисти просто заканчивались кулаками.

– Придется моим будущим солдатам делать гибкие пальцы, – решил Урфин Джюс.

Ученье продолжалось до самого вечера. Урфин устал командовать, но деревянный клоун был все время свеж и бодр, он не показывал никаких признаков утомления. Конечно, этого и следовало ожидать: разве может уставать дерево?

Во время урока медвежья шкура с восхищением глядела на своего повелителя и шепотом повторяла все его приказы. А Гуамоко презрительно щурил желтые глаза.

Урфин был в восхищении. Но теперь им овладела тревожная мысль: вдруг у него украдут живительный порошок? Он закрыл дверь на три засова, заколотил чулан, где стояли ведра с порошком, и все же спал тревожно, просыпаясь при каждом шорохе и стуке.

Можно было раздать Жевунам взятые у них железные противни, которые теперь были не нужны столяру. Джюс решил свое новое появление в Когиде обставить торжественно. Тачку он переделал в тележку, чтобы запрягать в нее медвежью шкуру. И тут он вспомнил подслушанный разговор шкуры с филином.

– Послушай, шкура! – сказал он. – Я заметил, что ты слишком легка и неустойчива на ходу, и потому решил набить тебя опилками.

– О, повелитель, как ты мудр! – в восторге завопила простодушная шкура.

В сарае Урфина опилок накопились груды, и набивка прошла быстро. Закончив ее, Джюс задумался.

– Вот что, шкура, – сказал он. – Я тоже дам тебе имя.

– О, повелитель! – радостно вскричала медвежья шкура. – И это имя будет такое же длинное, как у филина?

– Нет, – сухо ответил Джюс. – Наоборот, оно будет коротким. Ты будешь называться Топотун, медведь Топотун.

Добродушному медведю новое имя очень понравилось.

– Как здорово! – воскликнул он. – У меня будет самое звучное имя в Голубой стране. Топотун! Пусть-ка теперь филин попробует задирать передо мной нос!

Топотун грузно затопал из сарая, радостно ворча:

– Вот теперь, по крайней мере, чувствуешь себя настоящим медведем.

Урфин запряг Топотуна в тележку, взял с собой Гуамоко и клоуна и с большим шиком въехал в Когиду. Железные противни грохотали, когда тележка подпрыгивала на кочках, и пораженные Жевуны сбегались толпами.

– Урфин Джюс – могучий волшебник, – перешептывались они. – Он оживил ручного медведя, издохшего в прошлом году...

Джюс слышал обрывки этих разговоров, и сердце его переполнялось гордостью. Он приказал хозяикам разобрать противни, и те, боязливо косясь на медведя и филина, очистили тележку.

– Понимаете теперь, кто господин в Когиде? – сурово спросил Урфин.

– Понимаем, – смиренно ответили Жевуны и заплакали.

Дома, поразмыслив, Урфин Джюс решил, что станет расходовать порошок крайне экономно. Он приказал жестянщику сделать несколько фляг с плотно завинчивающимися крышками,

пересыпал в них порошок и закопал фляги под деревом в саду. В надежность чулана он уже не верил.

Рождение деревянной армии

Урфин Джюс понимал, что если он один будет трудиться над созданием деревянной армии, даже и немногочисленной, то работа затянется надолго.

В Когиде появился медведь и заревел трубным голосом. Сбежались перепуганные Жевуны.

– Наш повелитель Урфин Джюс, – объявил Топотун, – приказал, чтобы к нему каждый день приходили по шесть мужчин заготавливать бревна в лесу. Они должны являться со своими топорами и пилами.

Жевуны подумали, поплакали... и согласились.

В лесу Урфин Джюс пометил деревья, которые нужно было свалить, и указал, как их надо распиливать.

Заготовленные кряжи из лесу во двор Урфина перевозил Топотун. Там столяр расставлял их сушить, но не на солнце, а в тени, чтобы они не потрескались.

Через несколько недель, когда бревна высохли, Урфин Джюс принялся за работу. Он начерно обтесывал туловища, делал заготовки для рук и ног. Урфин задумал на первое время ограничиться пятью взводами солдат, по десять в каждом взводе: он считал, что этого вполне достаточно, чтобы захватить власть над Голубой страной.

Во главе каждого десятка станет капрал, а командовать всеми будет генерал – предводитель деревянной армии.

Солдатские туловища Урфин хотел делать из сосны, так как ее легче обрабатывать, но головы к ним столяр решил приделать дубовые на тот случай, если солдатам придется драться головами. Да и вообще солдатам, которые не должны рассуждать, дубовые головы подойдут лучше всего.

Для капралов Урфин заготовил красное дерево, а для генерала с большим трудом разыскал в лесу драгоценный палисандр. Сосновые солдаты с дубовыми головами будут почитать капралов из красного дерева, а эти в свою очередь станут благоговеть перед красивым палисандровым генералом.

Изготовление деревянных фигур в полный человеческий рост было для Урфина делом новым, и для начала он соорудил пробного солдата. Конечно, у этого солдата было свирепое лицо, глазами послужили стеклянные пуговицы. Оживляя солдата, Урфин посыпал ему голову и грудь чудесным порошком, несколько замешкался, и вдруг деревянная рука, разогнувшись, нанесла ему такой сильный удар, что он отлетел на пять шагов.

Разозлившись, Урфин схватил топор и хотел было изрубить лежавшую на полу фигуру, но тут же опомнился.

«Себе работы наделаю, – подумал он. – Однако и силища же у него... С такими солдатами я буду непобедим!»

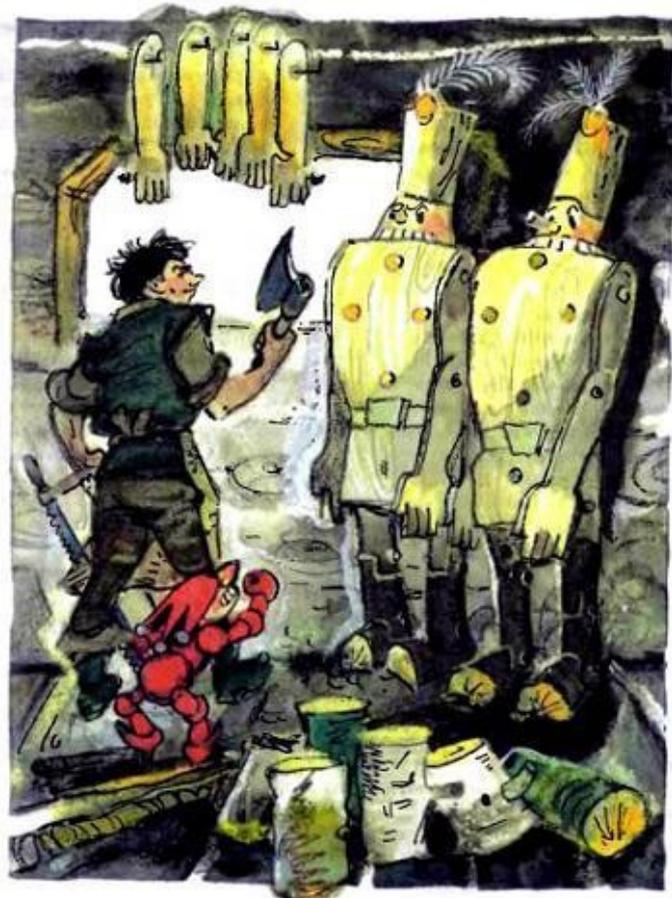
Сделав второго солдата, Урфин Джюс задумался: много месяцев уйдет на создание его армии. А ему не терпелось отправиться в поход. И он решил обратиться к подмастерьев двух первых солдат.

Обучить деревянных людей столярному ремеслу оказалось нелегко. Дело продвигалось так туго, что даже настойчивый Джюс терял терпение и осыпал своих деревянных учеников неистовой руганью:

– Ну и бестолочь! Что за дуболомы!..

И вот однажды на сердитый вопрос учителя: «Ну кто же ты после этого?» – ученик, гулко хлопнув себя по деревянной груди деревянным кулаком, ответил: «Я – дуболом!»

Урфин разразился громким хохотом:

– Ладно! Так и называйтесь дуболомами, это самое подходящее для вас имя!

Когда дуболомы научились немного столярничать, они стали помогать мастеру в работе: вытесывали туловища, руки и ноги, выстругивали пальцы для будущих солдат.

Но дело не обошлось без смешных случаев. Однажды Урфину понадобилось отлучиться. Он дал подмастерьям пилы и приказал распилить десяток бревен на куски. Возвратившись и увидев, что натворили его подручные, Урфин рассвирепел. Работники быстро распилили бревна, и так как дела больше не оказалось, они принялись пилить все, что попадалось под руку: верстаки, забор, ворота... На дворе валялись груды обломков, годных только на дрова. Однако и этого не хватило деревянным пильщикам, пока хозяин на свою беду задержался: подмастерья с бессмысленным усердием пилили друг другу ноги!

В другой раз дуболом раскалывал клиньями толстый чурбан. Выбивая клинья топором, который он держал в правой руке, неопытный подмастерье засунул в щель пальцы другой руки. Клинья вылетели, и пальцы оказались намертво защемленными. Дуболом понапрасну дергал их, а потом, чтобы освободиться, обрубил себе пальцы левой руки.

С тех пор Урфин старался не оставлять своих помощников без надзора.

Наладив изготовление солдат, Урфин стал делать капралов из красного дерева.

Капралы вышли на славу: ростом они были выше солдат, с еще более мощными руками и ногами, со злыми красными лицами, способными напугать кого угодно.

Солдаты не должны были знать, что их командиров вытесали из дерева, как и их самих, поэтому Урфин делал капралов в другом помещении.

Воспитанию капралов Урфин Джюс посвятил много времени. Капралы должны были понять, что в сравнении со своим повелителем они – ничтожество и любой его приказ для них – закон. Но для солдат они, капралы, – требовательные и суровые начальники, их подчиненные обязаны их почитать и повиноваться им. Как знак власти Урфин вручил капралам дубинки из железного дерева и сказал, что не будет взыскивать, если они поломают дубинки о спины своих подчиненных.

Чтобы возвысить капралов над рядовыми, Урфин дал им собственные имена – Арум, Бефар, Ватис, Гитон и Дарук. Когда обучение капралов было закончено, они с важным видом появились перед солдатами и сразу же поколотили их за недостаточное усердие. Солдаты не чувствовали боли. Но они с огорчением рассматривали следы ударов на своих гладко выстроганных телах.

Отобрав нужные материалы и инструменты, Урфин Джюс заперся в доме, поручил Топотуну надзор за деревянным воинством, а сам приступил к работе над палисандровым генералом. Урфин старательно отделывал будущего военачальника, который поведет в бой его деревянных солдат.

Две недели ушло на выделку генерала, а простой солдат получался за три дня. Генерал вышел роскошный: по всему его туловищу, по рукам и ногам, по голове и лицу шли красивые разноцветные узоры, все тело было отполировано и блестело.

Урфин оживил генерала, тот спрыгнул с верстака и, свирепо вращая глазами, двинулся на хозяина. Джюс сначала оробел, а потом, осмелев, скомандовал:

– Стой! Смир-рно! – Генерал замер. – Слушать мои слова! Вы – генерал Лан Пирот, командующий непобедимой армией Урфина Джюса. А Урфин Джюс – это я, ваш господин и повелитель! Понятно? Повторить!

Деревянная фигура хрипло, но четко повторила:

– Я – генерал Лан Пирот, командующий непобедимой армией Урфина Джюса. Вы – Урфин Джюс, мой господин и повелитель... А почему вы мой повелитель? – вдруг усомнился генерал. – Может быть, наоборот? Я повыше вас ростом, да и силы у меня побольше...

Генерал грозно шагнул к Урфину, тот в испуге отступил, а потом сердито закричал:

– Топотун! Покажи этому наглецу, кто здесь повелитель!

Медведь дал генералу здоровую затрещину, тот полетел кувырком. Поднявшись, он смущенно сказал:

– Ну, зачем сразу такие крутые меры, повелитель? Смотрите, какая вмятина получилась на голове...

– Вмятину я заделаю, зато вы теперь знаете, кто из нас главный.

– Да уж буду знать. А где моя непобедимая армия?

Узнав, что у него в подчинении будут пять капралов и пятьдесят рядовых дуболомов, а впоследствии и еще больше, Лап Пирот утешился.

Пока Лан Пирот под руководством Урфина Джюса учился военной науке, овладевал оружием и усваивал генеральские манеры, работа в мастерской шла днем и ночью, благо деревянные подмастерья никогда не уставали.

И вот на дворе появились Урфин Джюс и блестящий, внушительный генерал Лан Пирот. Дуболомы сразу прониклись благоговением перед таким представительным начальником.

Генерал устроил армии смотр и разнес ее за недостаточно бравый вид.

– Я вобью в вас воинский дух, – рычал полководец хриплым начальственным басом. – Вы у меня поймете, что такое служба!

При этом он потрясал генеральской булавой, которая была втрое тяжелее капральских жезлов: одним ударом этой булавы можно было разбить любую дубовую голову.

С этого дня Лан Пирот ежедневно устраивал своей армии многочасовые учения, а Урфин Джюс быстро пополнял ее новыми солдатами.

За упорство, с каким Урфин создавал деревянную армию, хитрый филин Гуамоко начал уважать его. Филин понял, что его услуги не так уж нужны Джюсу, а житье у нового волшебника было сытное и беззаботное. Гуамоко прекратил свои насмешки над Урфином и стал чаще называть его повелителем. Это нравилось Джюсу, и между ним и филином установились хорошие отношения.

А медведь Топотун был вне себя от восторга, видя, какие чудеса совершает его владыка. И он требовал, чтобы все дуболомы выказывали повелителю величайший почет.

Однажды Лан Пирот не очень быстро встал при появлении Урфина Джюса и недостаточно низко ему поклонился. За это медведь отвесил генералу такой тумак своей могучей лапой, что тот покатился кубарем. К счастью, этого не видели солдаты, и авторитет генерала не пострадал, чего нельзя сказать о его полированных боках.

Но с тех пор Лан Пирот стал необычайно почтителен не только к повелителю, но и к его верному медведю.

Наконец, дуболомная армия в составе генерала, пяти капралов и пятидесяти рядовых была обучена строю и обращению с оружием. У солдат не было сабель, но Урфин вооружил их дубинками. Для начала этого было достаточно: дуболомов нельзя было застрелить из луков или заколоть копьями.

Поход дуболомов

В одно злосчастное для них утро жители Когиды всполошились от сильного топота: это маршировала по улице деревянная армия Урфина Джюса. Впереди важно шагал палисандровый генерал с огромной булавой в руке, за ним шло войско с капралами перед каждым взводом.

– Ать-два, ать-два! – командовали капралы, и солдаты дружно отбивали шаг деревянными ступнями.

Сбоку ехал на медведе Урфин Джюс и любовался своим воинством.

– Ар-р-мия, стой! – оглушительно рявкнул Лан Пирот, деревянные ноги стукнули одна о другую, и армия остановилась.

Испуганные обитатели деревни, высыпав из своих домов, стояли на крылечках и у ворот.

– Слушайте меня, жители Когиды! – громко провозгласил Урфин Джюс. – Я объявляю себя правителем Голубой страны! Сотни лет Жевуны служили волшебнице Гингеме. Гингема погибла, но не исчезло ее волшебное искусство, оно перешло ко мне. Вы видите этих деревянных людей: я сделал и оживил их. Достаточно мне сказать слово, и моя неуязвимая

деревянная армия перебьет вас всех и разрушит ваши дома. Признаете вы меня своим повелителем?

– Признаем, – ответили Жевуны и отчаянно зарыдали.

Головы Жевунов тряслись от неудержимого плача, а бубенчики под шляпами подняли радостный трезвон. Этот трезвон так не подходил к мрачному настроению Жевунов, что они сдернули свои шляпы и повесили их на специально врытые у крылечек столбики.

Урфин приказал всем расходиться по домам, но задержал кузнецов. Кузнецам он приказал выковать сабли для капралов и генерала и остро отточить.

Чтобы никто из жителей Когиды не предупредил Према Кокуса и чтобы тот не смог подготовиться к обороне, Урфин Джюс приказал дуболомам окружить деревушку и никого из нее не выпускать.

Урфин Джюс выгнал всех из дома старосты, поставил медведя у дверей на караул и лег спать.

Спал Урфин долго, проснулся только к вечеру и отправился проверять караулы.

Его удивило неожиданное зрелище. Генерал, капралы и солдаты были на своих постах, но все они прикрывались большими зелеными листьями и ветками.

– В чем дело? – резко спросил Урфин Джюс. – Что с вами случилось?

– Нам стыдно... – смущенно ответил Лан Пирот. – Мы – голые...

– Вот еще новости! – сердито закричал Урфин. – Вы – деревянные!

– Но мы же люди, повелитель, вы сами говорили об этом, – возразил Лан Пирот. – Люди носят одежду... И они нас дразнят...

– Не было печали! Дам вам одежду!

Деревянное воинство так обрадовалось, что трижды прокричало «ура» в честь Урфина Джюса.

Отпустив свою армию, Урфин призадумался: легко было обещать одежду пятидесяти шести деревянным воинам, но где ее взять? В деревушке, конечно, не найдется материи для мундиров, кожи для сапог и ремней, да и мастеров нет, чтобы выполнить такую большую работу.

Урфин рассказал о своем затруднении филину. Гуамоко поводил по сторонам большими желтыми глазами и бросил одно лишь слово:

– Краска!

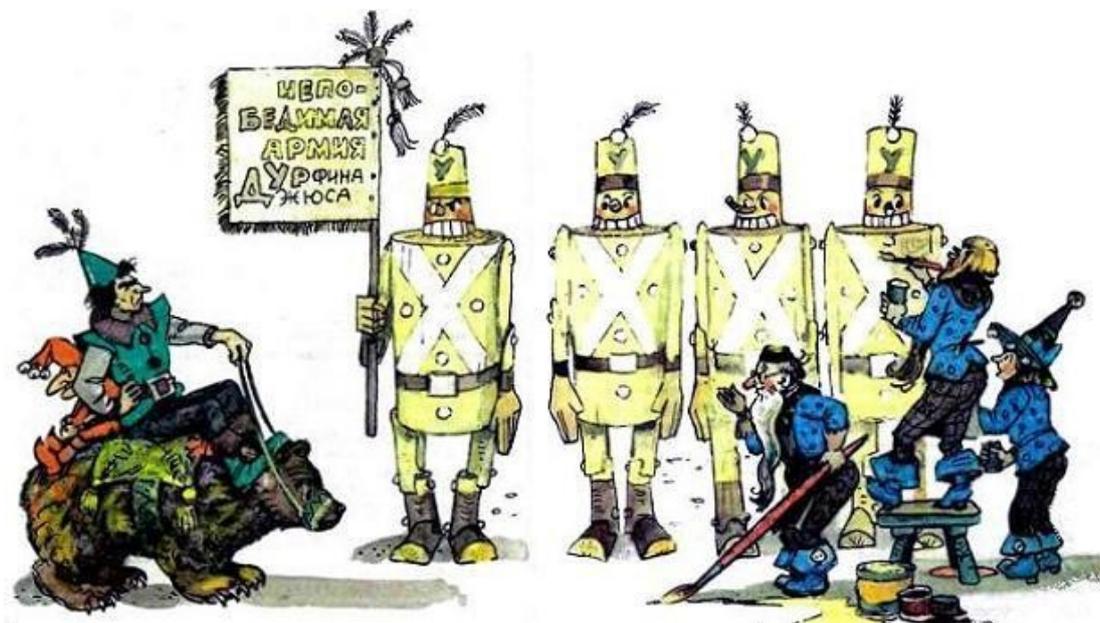
Это слово все объяснило Урфину. В самом деле: зачем одевать деревянные тела, которые не нуждаются в защите от холода, когда можно их просто раскрасить?

Урфин Джюс призвал к себе старосту и потребовал принести ему краски всех цветов, какие есть в деревне.

Расставив вокруг себя банки с красками и разложив кисти, Урфин принялся за дело. Он решил выкрасить на пробу одного солдата и посмотреть, что из этого получится. Намалевал на деревянном туловище желтый мундир с белыми пуговицами и ремнем, на ногах – штаны и сапоги.

Когда повелитель показал свою работу деревянным солдатам, те пришли в восторг и пожелали, чтобы их привели в такой же вид.

Одному Урфину трудно было управиться с работой, поэтому он привлек к ней всех местных маляров.

Дело закипело. Через два дня армия блистала свежей краской, от нее за милю несло скипидаром и олифой.

Первый взвод выкрасили в желтый цвет, второй – в голубой, третий – в зеленый, четвертый – в оранжевый и пятый – в фиолетовый.

Капралам для отличия от солдат были пририсованы ленты через плечо соответствующего цвета, которыми капралы очень возгордились. Плохо только то, что у солдат не хватило ума дождаться, когда краска высохнет. Восхищаясь друг другом, они тыкали пальцем один другому в живот, в грудь, в плечи. Получались пятна, и от этого дуболомы стали немного похожи на леопардов.

Генералу Джюс сумел доказать, что его прекрасные разноцветные узоры лучше всякой одежды.

Раскрашенная армия была в восторге, но тут возникло неожиданное затруднение. Дуболомы лицом походили один на другого, как две капли воды, и если командиры раньше различали их по расположению сучков, то теперь сучки были закрасены, и такая возможность исчезла.

Урфин Джюс, впрочем, не растерялся. Он нарисовал на груди и спине каждого солдата порядковый номер.

Эти опознавательные знаки и стали именами солдат, что было очень удобно.

Прежде приходилось вызывать солдат так:

– Эй ты, с сучком на брюхе, шаг вперед! Стой, стой, а ты куда? У тебя тоже сучок на брюхе? Ну, мне нужен не ты, а вон тот, у которого еще два маленьких сучка на левом плече...

Теперь дело обстояло гораздо проще:

– Зеленый номер один, два шага вперед! Как стоишь в строю, я тебя спрашиваю? Вот тебе, вот, вот!..

Раздавались глухие удары дубинки, и наказанный возвращался в строй.

Поход ничто больше не задерживало: сабли выкованы и отточены, нарисованные мундиры и штаны высохли. Урфин сделал седло, чтобы удобнее было ехать на медвежьей спине. К седлу он приторочил вместительные сумки, а в них спрятал фляги с живительным порошком – своей величайшей драгоценностью. Всей армии – вплоть до генерала – было строго запрещено дотрагиваться до сумок.

Некоторые дуболомы несли инструменты из мастерской Урфина: пилы, топоры, рубанки, сверла, а также запас деревянных голов, ног и рук.

Урфин Джюс запер свой дом на большие замки и приказал жителям Когиды не приближаться к нему. Деревянного клоуна он посадил за пазуху, предупредив, чтобы тот не вздумал кусаться. Филин пристроился на плече Урфина.

– Ать-два, ать-два!левой, правой!

Армия выступила в поход на поместье Према Кокуса ранним утром. Она бодро отбивала ногу, а Урфин Джюс ехал сзади на медведе и радовался, что нарисовал опознавательные знаки не только на груди у каждого солдата, но и на спине. Если кто-либо из них струсит в бою и побежит, то виновника сразу можно будет узнать и распилить на дрова.

Новый замысел

Завоевание Голубой страны досталось Джюсу очень легко. Прем Кокус и его работники были захвачены врасплох. Они даже не пытались сопротивляться свирепым дуболомам и сразу признали себя побежденными.

Государственный переворот совершился: Урфин Джюс стал повелителем обширной страны Жевунов.

За два года до этого в Волшебной стране случилось землетрясение. Дорогу в Изумрудный город пересекли два глубоких оврага, и сообщение между ним и страной Жевунов было прервано. Во время путешествия в Изумрудный город Элли и ее друзья перебрались через овраги, но это стоило им больших трудов. Робким Жевунам такой подвиг был не под силу, они предпочитали сидеть дома и довольствоваться теми новостями, которые переносили из края в край птицы.

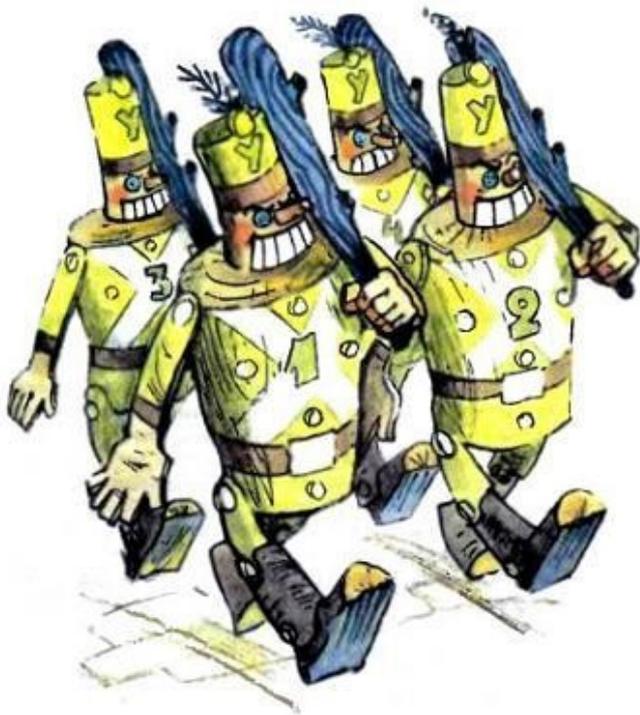
Подслушивая птичьи разговоры (самыми осведомленными оказались сороки), Жевуны узнали о том, что Гудвин несколько месяцев тому назад покинул Волшебную страну, оставив

своим преемником Страшилу Мудрого. Стало им известно и то, что Фея Убивающего Домика, которую Жевуны полюбили за то, что она освободила их от Гингема, тоже вернулась к себе на родину.

Узнал обо всем этом и Урфин Джюс. Новости пришли к нему от Гуамоко, а тому поведали об этом лесные совы и филины.

Когда до Урфина дошли эти важные известия, бывший столяр, а теперь правитель Голубой страны Жевунов, задумался. Ему показалось, что пришел подходящий момент осуществить свою мечту и захватить власть над Изумрудным городом.

Таинственная личность Гудвина и его удивительная способность превращаться в различных зверей и птиц пугали Урфина Джюса, но теперешний правитель Страшила не внушал ему никакого страха. Правда, Урфина смущало прозвище Мудрый, которое дал Страшиле Гудвин.

Но Урфин говорил филину так:

– Предположим, что у Страшилы есть мудрость. Зато у меня – сила. Что он может со своей мудростью, когда у меня мощная армия, а у него всего-навсего один Длиннобородый Солдат? Есть у него надежный союзник – Железный Дровосек, но он не успеет прийти на помощь... Решено – отправляюсь завоевывать Изумрудный город!

Гуамоко одобрил план повелителя. Армия Урфина Джюса выступила в поход.

* * *

Напрасно грозный завоеватель надеялся, что его воинственные замыслы останутся тайной для Страшилы. Те же самые птицы, которые разболтали в стране Жевунов последние новости Изумрудного города, донесли в город тревожную весть о том, что на его мирных жителей надвигается беда: идет армия мощных деревянных солдат, по прозванию дуболомы. И ведет их бывший столяр Урфин Джюс, уже покоривший страну Жевунов.

Несколько десятков лет существовал Изумрудный город, и ни разу еще не грозило ему вражеское нашествие. Когда городом управлял Гудвин, все считали его непобедимым волшебником, и никто не осмеливался идти на него войной.

«Я, конечно, ничтожество в сравнении с Гудвином Великим и Ужасным, – горестно размышлял Страшила. – Стоило мне стать правителем, и вот уже на Изумрудный город идут враги. Но я не сдамся без боя...»

Страшила созвал военный совет. На этом совете присутствовали Длиннобородый Солдат Дин Гиор, Страж Ворот Фарамант, ворона Кагги-Карр, та самая, что надоумила Страшилу раздобыть мозги (с тех пор она стала его лучшим другом и советником), и несколько именитых горожан.

Сделав коротенький доклад о планах Урфина Джюса, Страшила закончил так:

– Хорошо, что мы узнали об опасности. Времени терять нельзя, надо готовить крепкую оборону. Почтенный Дин Гиор, я назначаю тебя фельдмаршалом наших вооруженных сил.

Фельдмаршал тотчас изложил свои соображения. Он сказал:

– Я немедленно соберу мастеров, и они сегодня же начнут поднимать городские стены там, где они доступны для нападения. Мы обошьем ворота листами железа, чтобы их нельзя было протаранить. Я прикажу специальным командам таскать на стены как можно больше камней и тяжелых поленьев. И если понадобится, мы даже выковыряем изумруды из городских мостовых!

– Очень пре-ду-смо-три-тель-на-я программа, очень! – воскликнул Страшила. – Сразу видно, что ты – великий теоретик военного дела. Иди и принимайся за работу! А тебя, почтенный Фарамант, я назначаю начальником снабжения.

Фарамант тоже выдвинул свой проект действий.

– Я сейчас же разошлю продовольственные отряды по всем фермам, – сказал он. – Мы соберем в городе запасы муки, масла, сыра, яиц, пригоним стада скота и запасем для него сена. Враг может стоять под стенами целый год, но он не заморит нас голодом. Женщин и детей мы отправим в глубь страны, чтобы у нас не было лишних едоков.

– Очень прекрасный план, очень! – одобрил Страшила. – Иди и выполняй. Тебя, почтенная Кагги-Карр, я назначаю начальником связи. Думаю, тебе с твоими сильными крыльями такая должность придется по душе.

– О, я справлюсь с ней лучше всякого другого! – воскликнула Кагги-Карр. – Я разошлю птиц от города до страны Жевунов, и по этой эстафете мы будем иметь самые точные сведения о продвижении врага. И помимо этого я пошлю крылатых гонцов за Железным Дровосеком, пусть спешит к нам на помощь.

– Bravo, bravo! Я не ошибся в выборе помощников. Действуй, Кагги-Карр! (Она тут же улетела в открытое окно, а правитель обратился к горожанам.) Вам, друзья мои, придется выступить простыми бойцами за свободу родного города.

Горожане с энтузиазмом отозвались. Особенно усердствовал Руф Билан, коренастый человек с круглым багровым лицом. Он кричал и размахивал руками даже тогда, когда все остальные уже замолкли.

С большим достоинством Страшила произнес:

– Я не благодарю вас, друзья, за ваши пат-ри-о-ти-че-ские чувства, защищать родной город – ваш священный долг. Но довольно слов, за дело.

И все отправились туда, где их помощь была более всего необходима. Так сорвалась надежда Урфина Джюса захватить Изумрудный город врасплох.

Через три дня ускоренного похода деревянное воинство подошло к первому оврагу, который перерезал дорогу, вымощенную желтым кирпичом. Здесь с дуболомами произошло приключение.

Деревянные солдаты привыкли ходить по ровному месту, и овраг не показался им чем-либо опасным. Первая шеренга дуболомов с капралом Арумом занесла правые ноги в воздух, одно мгновение колебалась над оврагом, а потом дружно ухнула вниз. Через несколько секунд грохот возвестил, что храбрые воины достигли цели. Других дуболомов это ничему не научило. Вторая шеренга двинулась вслед за первой, и Урфин с перекошенным от ужаса лицом заорал:

– Генерал, остановите войско!

Лан Пирот скомандовал:

– Армия, стой!

Гибель деревянных солдат была предотвращена, и осталось только выудить из оврага пострадавших и отремонтировать. Эта работа, а затем постройка надежного деревянного моста через овраг потребовала остановки на пять дней.

Но вот первый овраг остался позади, и дуболомы вступили в лес. Этот лес пользовался дурной славой в стране: в нем обитали огромные тигры необычайной силы и свирепости. У них длинные острые клыки высовывались из пасти наружу, как сабли, и потому этих зверей прозвали саблезубыми тиграми. Среди Жевунов ходило немало рассказов о страшных происшествиях, случившихся в Тигровом лесу.

Урфин боязливо оглядывался по сторонам. Торжественно-тревожно было вокруг. Огромные деревья, покрытые свесившимися гирляндами седого мха, своими вершинами смыкались вверху, и под темно-зелеными сводами было сумрачно и сыро. Дорогу из желтого кирпича густо устилала опавшая листва, и тяжелые шаги дуболомов звучали приглушенно.

Сначала все шло благополучно, но вдруг к Урфину подскочил Лан Пирот.

– Повелитель! – крикнул он. – Из леса выглядывают звериные морды. Глаза у них желтые, а изо рта торчат белые сабли...

– Это саблезубые тигры, – сказал испуганный Урфин. Присмотревшись, он увидел в зарослях десятки огоньков: это светились глаза хищников. – Генерал, привести армию в боевую готовность!

– Слушаюсь, повелитель!

Урфина окружило кольцо деревянных солдат с дубинками и саблями в руках.

Саблезубые тигры нетерпеливо возились и пытели в чаще, но еще не осмеливались напасть: необычный вид добычи смущал их. И кроме того, они не чуяли запаха человека, а человек являлся их излюбленным лакомством. Вдруг ветерок донес до леса запах Урфина Джюса, и два тигра, самые голодные и нетерпеливые из всей компании, решились. Они выскочили из зарослей и взвились высоко над дорогой.

Но когда тигры уже готовы были опуститься в центр защищенного круга, сабли капралов по приказу Лана Пирота мгновенно взметнулись вверх, и звери, завывая, повисли на остриях. Заработали солдатские дубинки, круша головы и ребра тигров. С хищниками было покончено в один момент, и дуболомы отшвырнули их истерзанные тела к обочине дороги. Урфин Джюс пришел в неистовый восторг. Он тут же объявил армии благодарность.

Устрашенные тигры не посмели больше нападать на таких опасных врагов. Они еще полежали, посверкали глазами, для приличия порычали и, пристыженные, уползли в лесную чащу.

Урфину Джюсу пришла в голову мысль оживить шкуры убитых тигров – у него будут слуги, сильнее которых нет в Волшебной стране. Он уже распорядился снять с тигров шкуры, но вдруг, передумав, отменил приказ. Ведь если шкуры саблезубых тигров, известных свирепым нравом, восстанут против него, Урфина, то с ними невозможно будет справиться.

У второго оврага дуболомы сами остановились.

Перейдя овраг по наведенному через него мосту, армия вышла в поле. И тут Урфина ждала новая неприятность, о которой он не думал, не гадал.

Дуболомы слишком мало видели за свою короткую жизнь и, встретив что-нибудь новое, терялись, не зная, как себя вести. Попадись на дороге третий овраг, деревянные солдаты были бы осторожны. Но, на беду, им встретилась Большая река, через которую надо было переправляться по пути из страны Жевунов в Изумрудный город. А до этого дуболомы видели только маленькие ручьи, через них они перешагивали, даже не замочив ног. Поэтому обширная гладь реки показалась генералу Лану Пироту каким-то новым видом дороги, очень удобным для ходьбы.

Урфин Джюс не успел моргнуть глазом, как деревянный генерал рывкнул:

– За мной, моя храбрая армия!

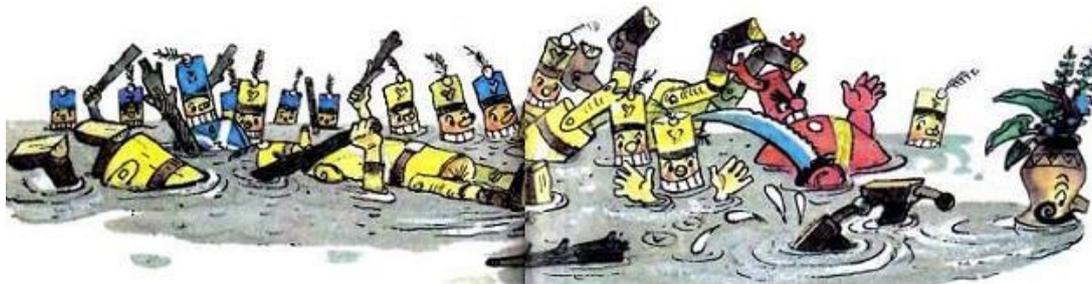
С этими словами он сбежал с откоса в реку, а послушные дуболомы посыпались за ним.

Вода у берега была глубокая и текла быстро. Она подхватила генерала, капралов, солдат и повлекла их, кувыркая и сталкивая друг с другом. Напрасно Урфин Джюс в отчаянии метался по берегу и орал во все горло:

– Стойте, дуболомы! Стойте!

Солдаты исполняли приказы только своего генерала, вдобавок они не понимали, что происходит, и взвод за взводом шагал в воду.

Две-три минуты – и завоеватель остался без армии: всю ее унесла река!

Урфин рвал на себе волосы от злости и отчаяния.

Филин пробормотал:

– Не расстраивайся, повелитель. В молодости я бывал в этих краях, и мне помнится, что за несколько миль ниже река заросла камышом: наши воины должны там задержаться...

Слова филина немного успокоили Урфина. Нагрузив уцелевший столярный инструмент на Топотуна, Джюс отправился по берегу. После полутора часов быстрой ходьбы он увидел, что река стала шире и мельче, на ней появились камышовые острова, и возле них шевелились разноцветные пятна. Урфин Джюс вздохнул с облегчением: дело можно было исправить.

Рассмотрев среди солдат Лана Пирота, Урфин закричал:

– Эй, генерал, прикажите дуболомам плыть к берегу!

– А что значит плыть? – отозвался Лан Пирот.

– Ну тогда бредите, если мелко!

– А как это – бредут?

Урфин Джюс сердито плюнул и принялся строить плот. Спасение армии отняло у него больше суток. Деревянное воинство имело жалкий вид: краска на туловищах облупилась, разбухшие от воды руки и ноги двигались с трудом.

Пришлось устроить длительную стоянку. Солдаты лежали на бережку целыми взводами во главе с капралами и сохли, а Урфин сколачивал большой прочный плот.

Дорога из желтого кирпича шла на север, и видно было, что за ней давно не ухаживали. Она заросла кустарником, и только посередине оставалась узкая тропинка.

Дуболомы растянулись в колонну по одному. Первым шел капрал Бефар, длинную цепочку замыкал генерал Лан Пирот. Далее ехал на Топотуне Урфин Джюс.

Один лишь человек из этой странной армии мог чувствовать усталость и голод, и это был ее создатель и повелитель Урфин Джюс.

Подошел обеденный час, пора было устраивать привал, но капрал Бефар все топал да топал вперед, и за ним отбивали шаг неутомимые дуболомы. Урфин наконец не выдержал и сказал Лану Пироту:

– Генерал, передайте вперед, чтобы армия остановилась.

Лан Пирот легонько ткнул булавой в спину последнего солдата и начал:

– Передай...

Дуболом не стал дослушивать. Он понял, что по какой-то причине, известной начальству и до которой ему, желтому номеру десять, нет никакого дела, надо передать вперед полученный удар. И со словом «Передай!» он сунул дубинкой в спину желтого девятого. Но удар получился немного сильнее.

– Передай! – крикнул девятый желтый и стукнул желтого восьмого так, что тот пошатнулся.

– Передай, передай, передай! – раздавалось по цепи, и удары становились все чаще и сильнее.

Дуболомы пришли в азарт. Дубинки колотили по крашеным спинам, некоторые солдаты падали...

Много времени прошло, прежде чем Урфину удалось навести порядок, и потрепанное деревянное войско выбралось на поляну посреди кустов, где был устроен привал.

После отдыха Урфин Джюс повел армию дальше на север.

* * *

Читатель, конечно, давно уж догадался, что о всех злоключениях деревянной армии Страшила быстро узнавал от связистов Кагги-Карр. Случай с оврагом заставил было правителя обрадоваться и подумать, что Урфин прекратит поход на Изумрудный город и поведет своих бестолковых солдат обратно. Но когда через несколько дней голубая сойка донесла, что дуболомы отремонтированы и армия уже строит мост через второй овраг, Страшила понял, что Урфин Джюс упорный, опасный враг и никакие препятствия не остановят его на пути к цели.

Приключение на Большой реке подтвердило такое мнение. Да, ничего не оставалось подданным Страшилы, как только готовить свой прекрасный город к обороне. И они работали самоотверженно, не жалея сил. Каменщики поднимали стены, кровельщики укрепляли ворота, горожане таскали на носилках груды булыжника и кирпича. Повсюду мелькали энергичные, подтянутые фигуры Страшилы, Дина Гиора, Фараманта. Кагги-Карр принимала рапорты от то и дело прилетавших курьеров.

В город мчались повозки с провизией, запряженные маленькими лошадками. Галопом, задрав хвосты, скакали коровы, подгоняемые пастухами.

Перейдя Большую реку, армия Урфина вступила в совершенно пустынный край. Здесь все было зеленое: и богатые дома жителей, стоявшие по краям дороги, и изгороди, и дорожные указатели. Но жители, предупрежденные вестниками Страшилы, покинули свои жилища. Боеспособные мужчины ушли защищать город, а старики, женщины и дети, захватив провизию и домашний скот, попрятались в лесных убежищах.

Урфин понял, что о его приближении известно Страшиле, и изо всех сил подгонял своих неутомимых, усердных солдат.

Успеют ли защитники Изумрудного города подготовиться к встрече ужасного врага? Вот в чем был вопрос.

История вороны Кагги-Карр

Мысль добыть мозги подсказала Страшиле ворона Кагги-Карр, немножко болтливая и сварливая, но в общем добродушная птица. Здесь необходимо рассказать, что с ней произошло после того, как Элли сняла Страшилу с шеста в пшеничном поле и увела с собой в Изумрудный город.

В этот раз Кагги-Карр не полетела за Элли и Страшилой. Она сочла пшеничное поле своей законной добычей и осталась на нем жить в многочисленной компании ворон, галок и сорок. Она управлялась так хорошо, что, когда фермер явился убирать урожай, он нашел там одну солому.

– Вот и чучело не помогло, – горестно вздохнул фермер и, не интересуясь судьбой исчезнувшего Страшилы, ни с чем отправился домой.

А через некоторое время до Кагги-Карр по птичьей почте дошли вести, что какое-то чучело после отъезда великого волшебника Гудвина сделалось правителем Изумрудного города. Так как вряд ли в Волшебной стране нашлось бы другое живое чучело, то Кагги-Карр справедливо решила, что это и есть то самое, которому она посоветовала искать мозги.

За такую прекрасную идею следовало потребовать награду, и ворона, не теряя времени, полетела в Изумрудный город.

Добиться приема у Страшилы Мудрого оказалось не так-то легко: Дин Гиор не хотел пропускать к нему простую ворону, как он сказал.

Кагги-Карр страшно возмутилась.

– Простая ворона! – воскликнула она. – Да знаешь ли ты, Длинная Борода, что я самая старинная приятельница правителя, что я, можно сказать, его воспитательница и наставница и без меня он никогда не достиг бы своего выдающегося поста! И если ты немедленно не доложишь обо мне Страшиле Мудрому, то тебе несдобровать.

Длиннобородый Солдат доложил о вороне правителю и, к своему большому изумлению, получил приказ немедленно ввести ее и оказать ей придворные почести.

Признательный Страшила навсегда запомнил ворону, оказавшую ему такую услугу. Он принял Кагги-Карр в присутствии придворных с огромной радостью. Правитель спустился с

трона и прошел на своих мягких слабых ногах три шага навстречу гостю. В летописях его двора это было записано как величайший почет, когда-либо кому-либо оказанный!

По приказу Страшила Мудрого Кагги-Карр была занесена в число придворных с чином первого отведывателя блюд дворцовой кухни. Сам Страшила не нуждался в пище, но держал открытый стол для своих придворных. Так как при Гудвине такого обычая не водилось, то придворные громко хвалили нового правителя за щедрость.

Тогда же Кагги-Карр было отведено во владение превосходное пшеничное поле неподалеку от стен города.

Осада Изумрудного города

Кагги-Карр, не довольствуясь своей важной должностью начальника связи, решила доказать Урфину Джюсу, что Изумрудный город – не такая легкая добыча, как он полагает. И доказать это должна была птичья рать, созванная вороной со всей страны.

В ожидании вражеского нашествия птицам надо было кормиться, и Кагги-Карр щедро предоставила им свое пшеничное поле. Она знала, что там не останется ни зернышка, но чем не пожертвуешь для свободы родной страны!

И вот на дороге, вымощенной желтым кирпичом, в миле от города показались громко топавшие деревянные люди со свирепыми лицами. Кагги-Карр тотчас отправила к Страшילה с донесением расторопного воробья, а сама повела свое воинство на врага.

Огромная стая галок, сорок и воробьев налетала на солдат Урфина Джюса. Птицы металась перед их лицами, царапали когтями спины, садились на головы, стараясь выклевать стеклянные глаза.

Кагги-Карр смело напала на самого Лана Пирота.

Дуболомы напрасно размахивали саблями и дубинками, птицы ловко увертывались, и удары попадали не туда, куда следует. Голубой солдат ткнул в руку зеленого, и тот, рассердившись, накинулся на него. А когда капрал Гитон бросился их разнимать, оранжевый дуболом, целясь в галку, отсек капралу ухо.

Завязалась всеобщая свалка. Урфин Джюс кричал и топал ногами. Топотун дико ревел и раздавал солдатам оплеухи направо и налево, пытаясь вбить в них дисциплину.

Да, по этой слишком горячей встрече Урфин Джюс понял, что перед ним стоит нелегкая задача. Какие-то ничтожные птицы, даже не орлы и ястребы, а сороки и вороны сумели устроить такую суматоху в его армии, а ведь впереди – городские стены и на них люди, которые будут отчаянно защищать свою свободу.

Наконец порядок был восстановлен, птицы отогнаны, и армия нестройно двинулась к воротам.

На городской стене стояли Страшила со своим штабом и многочисленный отряд бойцов. Среди горожан особенно суетился краснолицый Руф Билан, призывая сограждан храбро защищать родной город, хотя в его призывах никто не нуждался.

Правитель и его советники внимательно разглядывали деревянную армию, приводившую себя в порядок. Они не обольщались первым маленьким успехом, понимая, что впереди – жестокая упорная борьба. Они выжидали, не предпринимая никаких военных действий.

Урфин Джюс неверно принял их бездействие за нерешительность. Он подошел с белым флагом к воротам и позвонил в колокол.

– Кто там? – спросил Страшила.

– Это я – могущественный Урфин Джюс, правитель Голубой страны Жевунов.

– Что вам нужно?

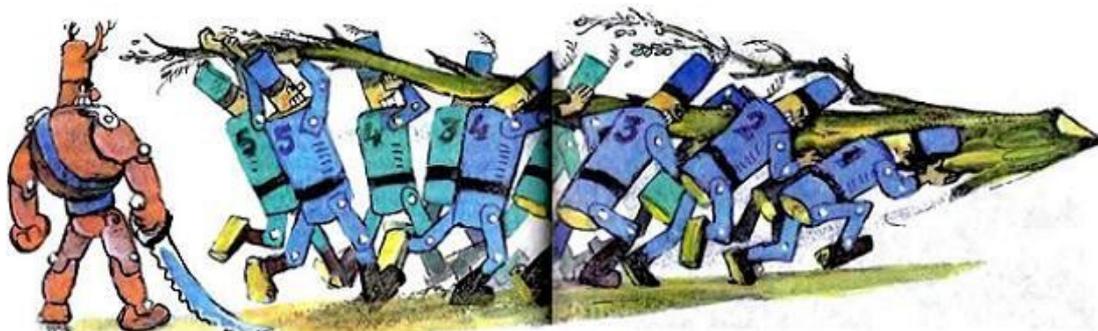
– Я хочу, чтобы Изумрудный город сдался и признал меня своим повелителем.

– Этого не будет, – с достоинством возразил Страшила.

– Тогда я возьму ваш город приступом, и никому из вас не будет пощады.

– Попробуйте, – сказал правитель. Горожане поддержали его дружным гулом.

Урфин отступил от стены и отправил капрала Бефара с его взводом в ближайшую рощу. Там они свалили длинное дерево, очистили его от сучков и под предводительством Урфина Джюса и генерала двинулись к стене. Выстроившись в два ряда, дуболомы размахнулись столбом, как тараном, и ударили в ворота. Ворота затрещали.

И тут сверху полетели поленья, булыжники и обломки кирпичей. Один камень попал в плечо Урфину Джюсу и опрокинул его на землю. В непокрытую голову генерала угодило полено. На

палисандровой голове Лана Пирота образовалась вмятина, а от нее побежали во все стороны трещины.

Урфин Джюс вскочил и пустился прочь от ворот, за ним по пятам следовал палисандровый генерал. Этого оказалось достаточно. Видя, что предводители бегут, дуболомы немедленно повернули и побежали за ними.

Вперемежку, натываясь друг на друга, сбивая один другого с ног, перескакивая через упавших и бросая на бегу дубинки и сабли, неслись капралы, рядовые, сзади с ревом скакал испуганный Топотун. Их сопровождал оглушительный хохот горожан.

Войско остановилось вдали от стен города. Урфин Джюс тер плечо и сердито бранил генерала за трусость, а тот оправдывался тяжелой раной, щупая разбитую палисандровую голову.

– Вы ведь тоже отступили, повелитель, – говорил Лан Пирот.

– Вот дерево, – возмутился Урфин Джюс. – Вашу голову я заделаю, отполирую, и она станет как новенькая, а если мне голову пробьют, это смерть!

– А что такое смерть?

– Тьфу!

Урфин не стал больше разговаривать с генералом. Дело кончилось тем, что во всем обвинили солдат, и на них посыпались удары дубинок.

На следующий приступ армия не решилась, и был разбит лагерь вдалеке от ворот.

Началась осада города. Два или три раза деревянные солдаты приближались к воротам, и всякий раз отступали, когда на них летели со стены камни.

Казалось, осаду можно было выдерживать до бесконечности. Но в защите города обнаружилось слабое место. Непривычных к военной службе горожан сломили усталость и тоска о семьях, покинувших город. Ночью их одолевал сон, и, хотя фельдмаршал Дин Гиор ввел дежурства, дежурные тоже сваливались с ног. Страшила, никогда не устававший и не спавший, решил взять ночной досмотр на себя. Это принесло большую пользу в первую же ночь.

Страшила сидел на стене и смотрел в поле своими бессонными нарисованными глазами. И он увидел, как в лагере Урфина Джюса началась подготовка к штурму.

Не слыша за стеной никакого движения, враги стали незаметно подкрадываться к воротам. Они несли ломы и топоры, захваченные на ближайших фермах. Страшила разбудил бойцов, на головы нападающих посыпались поленья, камни, и армия Урфина Джюса бежала.

Страшила, обняв своими мягкими руками верных помощников Дина Гиора и Фараманта, рассуждал:

– Если бы я был на месте Урфина Джюса, я приказал бы своим солдатам защищать головы от камней деревянными щитами. И я уверен, что они так и сделают. Под прикрытием щитов они смело могут ломать ворота.

– Но как же тогда быть, правитель? – спросил Дин Гиор.

– Эти деревянные люди должны бояться того же, чего боюсь и я, – задумчиво сказал Страшила, – огня. А поэтому надо заготовить на стене побольше соломы и держать под руками спички.

Догадки Страшилы Мудрого оказались совершенно верными. Через некоторое время, в самый глухой час ночи, начался новый приступ. Солдаты Урфина Джюса подкрадывались к стене, держа над головами половинки от ворот, снятых на фермах.

И тут на них полетели охапки горячей соломы. Деревянные солдаты уже потерпели бедствие от воды, так как не знали, что это такое. Они и об огне не имели понятия: пока Урфин Джюс их делал, он очень боялся пожара и даже не топил в доме печь. Теперь эта осторожность обернулась против него.

Горящая солома падала на землю, на щиты, которыми прикрывались дуболомы. А те с любопытством глядели на невиданное зрелище. Языки пламени в ночной темноте казались им удивительными яркими цветами, вырвавшимися с необычайной быстротой. Дуболомы даже и не думали защищаться от огня. Наоборот, некоторые совали в пламя руки и, не чувствуя боли, с глупым видом наблюдали, как на кончиках пальцев расцветают красные цветы. И уже несколько деревянных людей пылали, распространяя удушливый запах горелой краски...

Урфин Джюс видел, что его деревянной армии грозит нечто более ужасное, чем приключение на реке. Но что делать? Воды поблизости не было.

Выход подсказал Гуамоко.

– Забрасывай землей! – крикнул он растерявшемуся Урфину.

Первым за дело принялся Топотун. Сбив с ног капрала, у которого горела голова, медведь стал рыть землю мощными лапами и заваливать пламя. Потом и сами дуболомы поняли опасность и начали отбегать от горевшей соломы.

Армия отступила от ворот города с большим уроном. У нескольких дуболомов головы обгорели до того, что их надо было заменять новыми. У иных вывалились глаза, обгорели уши, а многие лишились пальцев...

– Эх, дуболомы, дуболомы! – вздыхал завоеватель. – Всем вы хороши: сильны, храбры, неутомимы... Вот только ума бы вам побольше!

Но чего нет, того нет!

Урфину Джюсу стало ясно, что Изумрудный город можно взять только измором. Это же было ясно и Страшиле. Он устроил военный совет, в котором участвовала и Кагги-Карр.

Страшила думал так напряженно, что у него из головы полезли булавки и иголки и голова стала похожа на ежа с железной щетиной. Он заговорил:

– Урфин Джюс привел с собой много солдат, но они все деревянные. Мой друг Дровосек, правитель страны Мигунов, один, но он железный. Железо не рубят деревом, а дерево рубят железом. Значит, железо крепче дерева, и если Железный Дровосек вовремя подоспеет к нам на помощь, он разобьет деревянную армию Урфина.

Ворона отозвалась:

– Ты совершенно прав, друг мой, и я уже давно послала за ним воздушных гонцов. Но, к сожалению, Дровосек проходит профилактический ремонт, и этот ремонт у него что-то затянулся.

– Как, как ты сказала? – встрепенулся Страшила. – Про-ли-фа... Повтори!

– Профилактический.

– О, какое хорошее слово. А что оно означает?

– Ну, как тебе сказать? – замялась ворона. – Ну, это такое, что делается на всякий случай, чтобы чего-нибудь не вышло.

– Про-фи-лак-ти-че-ский, – медленно произнес по складам Страшила, и видно было, что это слово он запомнил крепко и при случае будет его употреблять. Такая привычка появилась у правителя в последнее время: она придавала его речам очень ученый оттенок.

Так как из всех членов штаба только Кагги-Карр могла быстро и безопасно совершить путешествие в Фиолетовую страну, то ее и отправили с поручением поторопить Железного Дровосека. Она обещала нигде не задерживаться и как можно скорее вернуться с подмогой.